

В спальне Шэнь Цинъюэ.

Он не стал зажигать свет, а прошел прямо к центру комнаты, опустился на мягкий ковер и сел, скрестив ноги. Неоновые огни ночного города пробивались сквозь щели в шторах, отбрасывая на его лицо причудливую игру света и тени.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Вся суета, досада от перепалки с сестрой и сложные чувства по поводу тяжелого прошлого Шэнь Цинъюэ — всё это в один миг было подавлено усилием воли.

В глубине Моря Сознания медленно проступил призрачный силуэт Золотой Платформы в форме перевернутой пирамиды. Древнее дерево, пустившее на ней корни, хотя и было лишено густой листвы и сияло тускло, излучало дыхание седой древности. Слабый, но невероятно чистый поток сознания, подобно тонкому ручейку, начал медленно циркулировать в его теле по невероятно сложной траектории.

Ему нужна была сила. Нужно было как можно скорее восстановить хотя бы крупицу мощи своей прошлой жизни. Времени в обрез! Нужно было бороться за каждую секунду.

В комнате воцарилась тишина. Слышно было лишь его ровное, глубокое дыхание да едва уловимый гул — только он мог его слышать — исходящий от призрачного дерева, которое крайне медленно, но неуклонно впитывало разреженную духовную энергию неба и земли.

Когда ночь окончательно вступила в свои права, Шэнь Цинъюэ улеглась в отведенной ей комнате. Несмотря на поздний час и воцарившуюся тишину, когда лунный свет мягко заливал пол через полупрозрачные шторы, она лежала без сна. Мысли роились в голове: финал катастрофы, гибель боевых товарищей, отчаяние бесконечных перерождений, чуждость параллельного мира, и... радость от того, что младшая сестра жива, смешанная с тревогой о будущем. Переплетение этих чувств не давало ей сомкнуть глаз.

Тук-тук-тук.

Раздался легкий стук в дверь.

Шэнь Цинъюэ, удивленная, встала и открыла. На пороге стояла Шэнь Цинсюэ в милой пижаме с медвежатами, прижимая к груди пушистую подушку.

— Цинсюэ? Так поздно, что-то случилось? — тихо спросила Шэнь Цинъюэ.

Шэнь Цинсюэ моргнула своими большими глазами и, не дожидаясь приглашения, проскользнула внутрь:

— Сестренка, я хочу сегодня поспать с тобой! — в ее голосе звучали капризные нотки.

Шэнь Цинъюэ на мгновение замерла:

— С... со мной? Разве это... уместно? Насколько я помню, мы с тобой... после того как повзрослели, стали спать в разных комнатах, — она подсознательно опиралась на воспоминания из прошлой жизни, когда была братом.

Шэнь Цинсюэ прыснула со смеху, запрыгнула на кровать с подушкой в обнимку и похлопала по месту рядом с собой:

— Сестренка, ты что, забыла, что теперь ты тоже девочка? Что плохого в том, чтобы поспать вместе? Это же в порядке вещей! Иди сюда!

Шэнь Цинъюэ вдруг осенило: и правда, она теперь — Шэнь Цинъюэ, она — старшая сестра. Она нерешительно подошла и села на край кровати:

— Но... Цинсюэ, хоть я и приняла роль сестры, но... спать с другой девушкой... это все еще немного... — она запнулась, в ее голосе проскользнула едва уловимая горечь. — В тех циклах... мои ночи проходили либо в битвах, либо в дозоре, либо в раздумьях о том, как предотвратить гибель... У меня никогда не было... опыта делить постель с кем-то, тем более с девушкой.

— А? Разве это не утомительно? Когда я на работе, то стараюсь сачковать при любой возможности. Сестренка, ты не думала о том, чтобы немного схалтурить?

— Нет. Унаследовав личность волшебницы от той, другой меня, я обязана нести ответственность. В конце концов, я не хочу, чтобы кто-то еще терял родных в нападениях магических зверей, как когда-то я. Пусть я разучилась улыбаться, но я все равно хочу защитить улыбки других.

Улыбка на лице Шэнь Цинсюэ стала чуть бледнее, а в глазах появилось сочувствие. Она протянула руку и нежно коснулась холодной ладони Шэнь Цинъюэ:

— Сестренка... тебе пришлось нелегко.

Она помолчала, а затем добавила серьезным тоном:

— Но теперь всё иначе! Здесь пока нет магических зверей, есть я и... этот дурак-братец! Так что сегодня как следует отдохни!

Почувствовав тепло и уверенность, исходящие от руки сестры, лед в сердце Шэнь Цинъюэ, казалось, немного подтаял. Она посмотрела в ясные глаза Шэнь Цинсюэ, кивнула и тихо легла:

— Хорошо... спасибо.

Сестры лежали рядом, укрытые мягким светом луны. Шэнь Цинсюэ с любопытством

расспрашивала о мелочах их жизни в том другом мире, где они выживали вместе, и Шэнь Цинъюэ, впервые позволив себе расслабиться, тихим голосом рассказывала о тех временах — бедных, но полных тепла. Комнату наполнил уютный покой.

Разговаривая, Шэнь Цинсюэ невольно перевела взгляд на кое-что другое. Она повернулась на бок, посмотрела на впечатляющие изгибы груди Шэнь Цинъюэ, которые не скрывала даже пижама, и тяжело вздохнула:

— Эх... сестренка, почему это у моего параллельного двойника... фигура такая... ну... шикарная, а у меня... — она опустила взгляд на свою совершенно обычную грудь, и ее обида стала почти осязаемой.

Шэнь Цинъюэ слегка опешила, а затем смущенно пояснила:

— На самом деле... в моем мире Цинсюэ, то есть твой двойник, внешне была точь-в-точь как ты, включая... грудь. Мое тело... оно стало таким только после того, как я слилась с ее Кристаллом волшебницы и ее оболочкой. В некотором смысле, это... результат слияния.

Шэнь Цинсюэ: «!!!»

Она мгновенно окаменела, ее глаза округлились! Информации было слишком много, мозг едва не завис.

— Ч... что?! Слияние? Изменение?! — она резко села, указывая на Шэнь Цинъюэ, ее голос сорвался на визг. — То есть... ты хочешь сказать... что твоя грудь... на самом деле стала такой большой только потому, что ты слилась со мной... нет, с «собой» из параллельного мира?! А я... а я сама... проигрываю даже... даже мужчине, этому брату?! А-а-а! Что это за адские настройки?! О-о-о!

Шэнь Цинсюэ почувствовала, как ее мировоззрение подверглось небывалому удару. Смесь абсурда, стыда и жуткого чувства несправедливости ударила ей в голову! Она уткнулась лицом в подушку и глухо завывала от горя:

— У-у-у... это несправедливо! Совсем несправедливо!

В ту ночь Шэнь Цинсюэ так и не уснула. В ее голове по кругу вертелись слова «слияние», «изменение» и «проигрываю брату», сводя ее с ума.

Шэнь Цинъюэ сидел на мягком ковре, погрузившись в себя и отбросив все посторонние мысли. В глубине Моря Сознания безмолвно парила призрачная Золотая Платформа, на которой остался лишь один лист древнего дерева, а в его прожилках пульсировало тусклое, но древнее сияние.

Шэнь Цинъюэ направил свою волю на этот лист. Это был путь, который он, будучи Бессмертным Императором, проложил в отчаянии после катастрофы в мире совершенствования, когда все традиции были прерваны, а надежды не осталось. Великая война разрушила звездные пути, бесчисленные священные писания превратились в обрывки, а традиционные пути накопления ци и закладки фундамента заросли терновником, скрыв следы бессмертных. Он, Шэнь Цинъюэ, не желал мириться с судьбой и создал свой путь Тринадцати ступеней восхождения!

Сейчас он практиковал первую ступень — фундамент всей системы:

Закалка Тела!

С кончика листа древнего дерева упала капля густой, пропитанной жизненной силой изумрудной духовной жидкости и упала прямо в «Даньтянь», созданный его волей.

— БУМ!

Жидкость растеклась, словно раскаленная магма, вливаясь в каждую кость и жилу! Энергия, несравнимая с разреженной ци этого мира, яростно промывала его плоть, кости и кожу! Это была первобытная жизненная сила, начало его системы — раскрытие сокровищ плоти, прорыв пределов смертного тела!

Он ясно чувствовал:

Кожа натягивалась, становясь прочной, как железо — обычное оружие уже не могло бы ее повредить. Суставы издавали частый треск, похожий на жарящиеся бобы, их плотность росла, сила безудержно зарождалась в волокнах мышц. Вскоре он совершил прорыв на Вторую ступень Закалки Тела — его кровь бурлила, как в горниле, а сил хватало, чтобы поднять тяжелый котел.

Но он не остановился. Кровь продолжала нестись по телу, словно река, за спиной даже смутно проступил призрак плавильной печи. Теперь он мог одной рукой дробить камни и ломать стелы — это была Третья ступень Закалки Тела.

За одну ночь — три прорыва!

Для этого мира скорость была шокирующей. Но это было не везением, а результатом эффективности его системы, его опыта Бессмертного Императора и той капли духовной жидкости, что была несравнима ни с чем в этом мире.

— Закалка Тела — это лишь начало, — Шэнь Цинъюэ прислушался к мощи, пульсирующей в теле. Он не чувствовал самоуспокоенности. Его система была логичной и последовательной.

Дальше предстояло расширение меридианов, закалка души, формирование ядра, обретение

духовного облика, овладение законами, создание домена, пространства, постижение Дао, обретение бессмертного тела и, наконец, становление Владыкой Дао и достижение истинной вечности.

— Путь долг и труден... — Шэнь Цинъюэ открыл глаза. Утренний свет пробивался сквозь шторы. Хотя он стал силен, как дикий зверь, до восстановления силы Бессмертного Императора было еще бесконечно далеко. А магический зверь S-ранга через месяц оставался огромной угрозой.

— Времени... слишком мало, — он сжал кулаки, чувствуя взрывную силу. Эта система была его главным козырем в борьбе за выживание и возмездие.

На следующее утро, столовая.

Длинный стол был накрыт изысканным завтраком. Шэнь Цинъюэ, переодевшись в новую одежду, спокойно сидела и пила молоко. Шэнь Цинъюэ, полный сил после ночной тренировки, сидел во главе стола.

Только Шэнь Цинсюэ с темными кругами под глазами вяло тыкала вилок в яичницу. Она то и дело поднимала взгляд на брата, глядя на него с таким выражением, в котором смешались обида, обвинение и немой крик: «Это все твоя вина!»

Шэнь Цинъюэ не выдержал:

— Эй, моя глупая, плоскогрудая сестренка, чего это ты смотришь на своего великого и красивого брата так, будто я твой кровный враг? Не выпалась, или... что? Критические дни? Или мозг наконец защемило дверью?

— ШЭНЬ! ЦИН! ЮЭ! — Шэнь Цинсюэ взорвалась, как пороховая бочка. Она с грохотом бросила вилок на стол, ее лицо покраснело от ярости:

— Это у тебя мозг защемило! У всей твоей семьи! Ой, нет, вся семья включает и меня! Тьфу! Это все из-за тебя! Великий? Красивый? Ха! Ты, который три года был запасным вариантом у школьной красавицы, имеешь наглость называть себя великим?!

— Полон сил? Думаю, это просто прилив ложной энергии, господин Император! И еще, не смей называть меня плоскогрудой, это очень невежливо по отношению к сестре!

Шэнь Цинсюэ, задыхаясь от гнева, указала на невинно пьющую молоко Шэнь Цинъюэ:

— Это все твоя вина, Шэнь Цинъюэ! Тело сестры из параллельного мира стало таким... таким непристойным! Все из-за тебя!!!

— Пффф! — Шэнь Цинъюэ выплюнул глоток молока прямо на стол.

Шэнь Цинъюэ тоже поперхнулась, ее белые щеки мгновенно вспыхнули от этого абсурдного обвинения.

В столовой повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Шэнь Цинсюэ и кашлем брата и сестры.

<http://bllate.org/book/18890/1845848>